

Ма-аленькая! — эпизод 2 из 2

Ну, уж ты больно!.. двенадцати!.. тоже!..

А больше скажешь?.. Как бы!

Чего? Девица она была сочная... А што малоросла, так это рази что в упрек ей?

А я в упрек говорю? Эко!

То-то!.. добродушно уступила старуха.

Поспорив, старики оба и сразу замолчали.

Ну, а что же дальше? спросил я.

Дальше?.. ничего, браток!.. вздохнул старик.

Умерла она... Огневица ее изожгла, и по морщинистым щекам потекли две слезинки.

Да-а, брат, умерла... Два годочка только с нами и пожила... Вся ее деревня знала. Чего вся деревня!.. Многие знали. Грамотейка была. На сходы хаживала... Кричит себе, бывало... Ничего, умница!..

А главное дело душа!.. Ах, ка-акая душа андельская!.. Всё-то до нее доходило, всё-то ее сердечушко ведало!.. Барышня ведь как есть городская, в бархатной кофточке... ленточки... башмачки... Книжки читает и всё это, а крестьянство понимала, ах, как просто! Всё знала! Откуда толь ты это, милушка? В книжке, говорит, прописано!.. Н-ну уж!.. Чего бы ей это, зачем? Замуж бы вышла, барыней была, а тут вот заслали и померла...

И чудно!.. Учит всех... така-то манинькая!.. да всех это так сурьезно... То не так, друго не так...

Грамотница... что толковать... Раделица про всё да про всех... Где кто болен бежит, где кто...

Умирала-то без памяти... бредила только. Мама, говорит, мама!.. жалостно таково... Поехали было за попом, может, мол, придет в себя... А она, милушка, не подождала... скончалась.

По лицу старухи текли слезы, и мне было так хорошо, точно это обо мне плакали...

Вся деревня собралась к нам... Толкутся на улице и на дворе... Как?!. Как?!. Все ее любили, души не чаяли в ней...

Эх, девчурочка была золотая!.. вздохнул старик.

Всем миром и похоронили... А потом к масленой сорок дён вышло, и сообразились... айда-ка, мол, помолимся за нее!.. И суседи тоже... Чего вы, говорят, и в самделе? Идите-тко! Люди вы, значит, свободные, не рабочие... А ей авось зачтется. Мы и тронулись.

Так это вы за нее? спросил я.

За нее, девочку, родной, за нее! Авось, мол, господь бог батюшка примет нашу грешну молитву, простит ей! И пошли вот на первой поста, как раз во вторник вышли...

За нее!.. повторил я.

За нее, друг! подтвердил старик.

Мне хотелось еще много раз слышать, что, именно желая помолиться за нее, они прошли тысячи верст. На мой взгляд, это было так хорошо, что казалось неправдоподобным. Я подсказывал им другие побудительные причины, желая еще более убедиться, что они пошли именно за нее, маленькую девочку с черными глазами... И к великому моему удовольствию, я, наконец, убедился в этом.

Неужто пешком всё идете?

Нет, куда нам!.. когда и присядем... Поедем с денек, а потом опять... трудимся помалу. Стары уж больно мы пешком-ту всё идти... Господь видит, стары...

Кабы нам ее ножки-то... ну, так ино дело!

И оба они опять вперебой принялись говорить о ней, маленькой девочке, заброшенной судьбой далеко от дома и мамы и умершей от огневицы.

Часа через два мы встали и пошли. Я думал о маленькой девочке, но не мог представить ее себе... и мне было до боли обидно это бессилие воображения.

Русский человек плохо умеет представлять себе хорошее, светлое...

Скоро нас догнал хохол на телеге. Он меланхолично оглянул нас и, приподняв шапку на наш поклон, крикнул старикам:

Садитесь, подвезу до деревни!

Они сели и исчезли в облаке пыли... Я долго шел в нем и смотрел, как вдали исчезала телега, увозя стариков, прошедших многие тысячи верст, чтоб помолиться о маленькой девочке, которая заставила их полюбить себя...